

KATOLÍCKA UNIVERZITA V RUŽOMBERKU

UNIVERSITAS CATHOLICA ROSENBERGENSIS

STUDIA RUSSICO–SLOVACA

Ružomberok 2014

UNIVERSITAS CATHOLICA ROSENBERGENSIS
STUDIA RUSSICO–SLOVACA

ÚSTAV RUSKO-SLOVENSKÝCH KULTÚRNYCH ŠTÚDIÍ

Rok 2014

Šéfredaktor: Prof. PhDr. Eva Kollárová, PhD.

Redakčná rada:

Prof. V. V. Prozorov, DrSc.

Doc. PhDr. V. Bíloveský, PhD.

PhDr. Marián Lapitka

Dr. D. Kováč-Petrovský, PhD.

Doc. PhDr. J. Lomenčík, PhD.

PaeDr. A. Plávková-Tináková, PhD.

Recenzenti:

Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc.

Prof. PhDr. Jozef Šipko, PhD.

Jazyková korekcia:

PhDr. Marián Lapitka

Doc. V. N. Vaščenko, CSc.

Obálka: doc. akad. mal. Pavol Rusko, ArtD.

Technická spolupráca: Mgr. Milan Pudiš

Mgr. Lucia Griešová

PhDr. Monika Barčáková

Ing. Miloslav Korba

©**VERBUM** - vydavateľstvo Katolíckej univerzity v Ružomberku

Hrabovská cesta 5512/1A

034 01 Ružomberok

ISBN 978-80-561-0185-8

**Štúdium sociálno-komunikatívnych zvláštností
ruského jazyka na základe využívania
lingvistických korpusov regionálnych mesmédií
(Na príklade regiónu Grodna)**

**Изучение социально-коммуникативных
особенностей русского языка на основе
использования лингвистических корпусов
региональных средств массовой информации
(на примере корпуса гродненщины)**

Љudmila Vasil'jevna Ryčková

Людмила Васильевна Рычкова

Bieloruská republika

Abstrakt:

Autorka sa venuje jazykovým premenám v Bielorusku po rozpade ZSSR. V čase ideologickej suverenity ruštiny v BSR sa používala ruština v prísne kodifikovanej podobe. Autorka konštatuje, že aj po osamostatnení polyetnického Bieloruska je ruština vlastným jazykom väčšiny obyvateľstva. Tento komunikačný nástroj sa snaží rýchlo reagovať na zmeny v metropolitnej ruštine, ale deje sa tak veľmi osobitným spôsobom (napr. potláčanie anglicizmov, ktoré zaplavili ruštinu v Rusku). Zároveň dochádza k stále väčšej interferencii s bieloruštinou, čím vzniká veľmi špecifický sociolekt ruštiny.

КРiучові слова: офіційny jazyk, „trasjanka“, anglicizmy, hodnoty bieloruskej kultúry, interferencia, lingvistický korpus.

Проблема взаимодействия языка и культуры приобретает особое измерение на территориях, где исторически в качестве первого языка получает распространение «импортированный» идиом. Как справедливо

отмечает Л.А. Вербицкая, «воздействие культуры на язык очевидно, но и язык в свою очередь оказывает влияние на культуру, что дает возможность изучения культуры народов через язык и речь» [Вербицкая 2006: 7].

Для русского литературного языка Ю.Н. Карауловым было выделено 8 сфер «бытования»: мертвый язык памятников письменности; устный язык диалектов; письменный язык литературы, документации и средств массовой информации; повседневный разговорный язык и просторечие; научно-технический и профессиональный язык; русский язык в электронно-вычислительной среде; неисконная русская речь; язык русского зарубежья [Караулов 1991: 7]. «Бытование» русского языка в Беларуси никогда не укладывалось в схему только неисконной русской речи. Традиционным для советского времени аспектом рассмотрения русского языка в Белоруссии, как и в других союзных республиках, был навязываемый в идеологических целях аспект его соотношения / взаимодействия с «национальным» (в Беларуси – белорусским) языком (см., например, [Пытанні...1982; Русский...1985; Типология... 1999] и многие другие источники). «Национально-русское двуязычие», «великий и могучий русский язык», которому отводилась роль всеобщего языка сознательно формируемой надэтнической общности «великий советский народ», – это идеологемы советского времени, когда русский язык насаждался как идеологическое средство интеграции многонационального социума полиэтничного государства. Идеологемы определяли направления социолингвистических исследований во всех национальных республиках Советского Союза, сформировав устойчивые стереотипы «видения» языков и их взаимодействия в социуме и реальных коммуникативных ситуациях.

Советская Белоруссия гораздо больше, чем все остальные национальные советские республики, продвинулась в процессе последовательного замещения белорусского языка всеобщим языком «великого советского народа». Этому способствовали не только исторические причины, но и близкородственный характер белорусско-русского двуязычия. Доказательством реального доминирования русского языка в Беларуси с советских времен является не столько его превалирование в различных коммуникативных сферах, что обычно принято отмечать в социолингвистических работах, сколько удовлетворение им практически всех языковых (коммуникативных) потребностей личности. В реальной жизни большинства граждан

Беларуси различной этнической принадлежности эти потребности, как правило, удовлетворяются одним языком – русским. При этом, будучи, по сути дела, импортированным идиомом, русский язык в Беларуси, естественно, не получал жизненной, развивающей силы от диалектов и замещался принудительно лишь кодифицированной формой. Любое отступление от этой формы рассматривалось как нежелательное, получало пейоративно-оценочное название («трасянка» в Беларуси, «суржик» в Украине) и подлежало искоренению. Владение кодифицированной формой русского языка напрямую зависело от уровня образования и считалось наиболее престижным, поэтому абсолютное большинство рожденных в Беларуси в качестве первого языка усваивали и усваивают либо этот идиом либо максимально к нему приближенный (в идеале) вариант пресловутой трасянки. Известно, что кодифицированный язык – это всегда язык искусственный. В советское время, к тому же, он «был задушен штампами, жесткой идеологизированностью», а речь средств массовой информации «была справедливо названа деревянной» [Вербицкая 2006: 8]. Однако уже в то время А.Е. Михневич разрабатывает концепцию белорусского нациолекта русского языка, который, с его точки зрения, представлен, как минимум, тремя формами: «интерференционной» (результат неосознанного смешанного дву-/многоязычия), «узуальной» (включающей, в том числе, осознанное употребление элементов различных кодов для достижения целей коммуникации), «художественной» [Русский... 1985: 11] (русскоязычная художественная литература Беларуси по объему сопоставима с белорусскоязычной, а в белорусских школах русская литература изучается едва ли не в больших объемах, чем в России). А.Е. Михневич не считал нациолекты русского языка «ни вариантами русского национального языка, ни тем более вариантами русского литературного языка» [Русский... 1985: 11]. А. Мустайоки в своей недавней статье в журнале «Вопросы языкознания» [Мустайоки 2013] называет такие формы существования русского языка «разновидностями», заимствуя этот термин у Ю.Н. Караулова и считая его удачным, поскольку он позволяет «не прибегать к слову *вариант*, которое вызывает у ряда ученых сильные протесты» [Мустайоки 2013: 13]. Автор также справедливо отмечает, что «после распада Советского Союза положение русского языка и контингент его пользователей претерпели радикальные изменения» [Мустайоки 2013: 8]. Действительно, распад Советского Союза поставил на повестку дня задачу формирования госу-

дарственности стран, получивших независимость. Одним из атрибутов государственности традиционно является официальный язык, вполне оправданно получивший в этих странах название государственного.

Как уже отмечалось нами ранее [Рычкова 2006], присвоение языку статуса официального – довольно деликатный вопрос, однако он является в некотором смысле жизненно необходимым для демократического общества. Существование в государстве официального языка отражает желание использовать язык как объединяющий инструмент, что необходимо для построения нации, в состав которой входят меньшинства, и, следовательно, это желание легитимно с точки зрения государства-общины. Единый язык также необходим для межэтнического общения на территории государства. В ставших независимыми бывших советских республиках в качестве государственных языков были законодательно закреплены языки титульных этносов. Статус русского языка при этом определялся дифференцированно. В Республике Беларусь русский язык, наряду с белорусским языком, получил статус государственного.

В том случае, если государство присваивает статус официального более чем одному языку, его первостепенной задачей является обеспечение равных прав при фактическом использовании каждого языка. Несмотря на то, что юридически белорусский и русский языки равноправны, фактически повсеместно в республике русский язык по-прежнему является языком интеграции и ассимиляции, так как данные официальных переписей убедительно свидетельствуют о том, что для большинства этнических общностей, проживающих в Беларуси, именно русский язык является первым языком и языком, обычно используемым дома. Подобная тенденция наиболее ярко проявляется в городской среде: по данным переписей, в городской местности расхождение между объявленной этнической принадлежностью населения и показателями родного языка наиболее явное. Как следствие вышеотмеченной тенденции в республике сложилась уникальная языковая ситуация, когда один из официальных языков – язык титульного этноса, т.е. национальный язык этнического большинства, который, по данным переписей, подавляющее большинство белорусов считают своим *родным языком* (подтверждая таким образом свою этническую идентичность) – обслуживает в реальности языковое меньшинство. Русский язык в Беларуси давно перестал играть роль только *lingua franca*. Для большинства дошкольников он стал первым языком, на

котором они учатся говорить и думать, общаться с окружающими. В то же время дети довольно рано приобщаются к белорусскому языку, слыша его по радио, телевидению, иногда на занятиях в детском саду. Полноценная национально-языковая среда у подавляющего большинства дошкольников отсутствует, кроме представителей русского этнического меньшинства. Более того, дети могут пользоваться русским языком даже тогда, когда к ним обращаются по-белорусски, зная, что их понимают, и наблюдая аналогичные примеры в реальной жизни. Таким образом, речевые ситуации, в которых оказываются дети, как правило, не создают у них жизненной необходимости в общении на каком-либо ином языке, кроме русского.

Несмотря на высокий официальный статус и фактическое коммуникативное доминирование во всех сферах общения, русский язык в Республике Беларусь специально не нормируется, то есть предположительно используются и изучаются в школе те же нормы, что и в России. Отражая белорусскую национальную картину мира, ценности белорусского народа, «социально-коммуникативная система» [Вербицкая 2006: 9] русскоязычного полиэтнического сообщества Беларуси очевидно отличается от российской. Соответственно, многие факты белорусской исторически многонациональной культуры, находя отражение в белорусской разновидности русского языка, оказываются вне действия российской нормы и поддерживаются исключительно узусом. Прежде всего, это касается прецедентных и официальных имен. Здесь достаточно привести лишь один пример: с 1990 года официальным названием получившего независимость государства является *Республика Беларусь*; данное название, однако, не поддерживается действующей российской нормой, диктующей единственно возможное название – *Белоруссия*. Уникальность социально-коммуникативной системы русского языка в Беларуси заключается также в том, что в ней находит отражение вербализация ценностей белорусской культуры в дискурсе средств массовой информации о России, с которой независимую Республику Беларусь по-прежнему связывают тесные политические, экономические и культурные связи. Общность информационного пространства способствует переносу на белорусскую разновидность русского языка всех последствий нестабильности языковой ситуации в России, для которой, как отмечает Л.А. Вербицкая, характерны «своеобразное смешение, подмена диалектов, стилей, которые под воздействием процессов, происходящих в обществе, теряют свою

функциональную прикрепленность» [Вербицкая 2006: 9]. Нестабильность языковой ситуации приводит к тому, что даже литературный русский язык метрополии, «по определению кодифицированный, подвергается столь сильным волнам социального, культурного и политического воздействия, что его носитель начинает терять некоторые ориентиры, языковая норма становится неустойчивой» [Вербицкая 2006: 9].

Неустойчивость языковой нормы русского языка, формирование его региональных и национальных разновидностей в новых социально-коммуникативных условиях заставляет по-новому взглянуть на устоявшиеся методики и правила преподавания русского языка как иностранного. Смещение акцентов с нормы на узус уже давно характеризует, например, практику преподавания английского языка как второго и как иностранного. Здесь важную роль сыграло развитие корпусной лингвистики и доступность таких электронных языковых ресурсов, как лингвистические, то есть специально размеченные, корпуса текстов. Резонно отметить тот факт, что становление и развитие корпусной лингвистики сопряжено с созданием первых корпусов именно английского языка, во многом по аналогии с которыми затем создавались лингвистические корпуса других языков. Костас Габриелатос в своей статье, опубликованной в электронном журнале, посвященном преподаванию английского языка как второго и как иностранного, отмечает тот факт, что корпуса впервые попали в поле зрения преподавателей английского языка в 1987 году в связи с появлением первого словаря, основанного на корпусных данных, полученных из банка английского языка COBUILD (Collins COBUILD English Language Dictionary), и с тех пор и преподаватели, и учащиеся широко используют словари, грамматики и лингводидактические продукты, построенные на основе применения корпусных технологий, однако до сих пор лишь немногие из преподавателей английского языка знакомы с природой корпусов либо осознают их важность для обучения языку, и еще меньше преподавателей когда бы то ни было обращалось к корпусам, непосредственно работая с ними [Gabrielatos 2005]. Необходимо отметить, тем не менее, что успешный опыт применения корпусных технологий в преподавании английского, в отличие от русского языка, нашел обобщение в достаточно большом количестве специализированных представительных публикаций (см., например, [Corpus... 2002; Meyer 2004; Gabrielatos 2005; Nesselhauf 2005] и многие другие).

Именно корпусные технологии могут рассматриваться сегодня как основа лингводидактических инноваций, в том числе направленных на освоение учащимися социально-коммуникативных особенностей региональных разновидностей русского языка, что уже было показано ранее в ряде публикаций автора [Рычкова, Кныш 2009; Рычкова 2012 и др.]. Важную роль в этой связи призваны и могут сыграть разноплановые языковые, лингводидактические и коммуникативные ресурсы, представленные на портале Национального корпуса русского языка – НКРЯ (www.ruscorgora.ru). Особой значимостью в области преподавания русского языка как иностранного традиционно обладают корпусы на материале средств массовой информации, к каковым принадлежат и так называемые «газетные» корпусы, использование которых важно для формирования как «культурной грамотности» учащихся, так и медиакомпетенции, составляющей важную часть «социально-культурной компетенции» [Кудрявцева 2008: 208–209]. Язык масс-медиа оправданно считают «самой влиятельной и значимой формой языка в современном обществе» [Мустайоки 2013: 15].

Вышесказанное определяет важность и актуальность создания региональных корпусов русскоязычных средств массовой информации для изучения социально-коммуникативных особенностей национальных разновидностей русского языка. Именно такой корпус на материале региональной прессы Гродненщины создан в рамках международного проекта, поддержанного одновременно Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом. Как отмечают российские участники совместного проекта, «новая языковая ситуация в государствах постсоветского пространства приводит к усилению процессов дивергенции региональных вариантов русского языка и кодифицированного языка метрополии» [Кустова., Савчук 2013: 345], поэтому одним из практических результатов реализации проекта является «формирование в составе НКРЯ нового модуля, представляющего региональные варианты литературного стандарта» [Кустова., Савчук 2013: 352]. Иллюстративный лингвистически размеченный корпус региональных газет Гродненщины (далее – корпус Гродненщины), созданный совместно учеными Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук и кафедры общего и славянского языкознания Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, и положил начало формированию нового, «регионального», модуля НКРЯ, который пока

представлен лишь в виде β -версии, но в ближайшее время будет в открытом доступе на сайте НКРЯ.

Основным отличием корпуса Гродненщины, позволяющим говорить о нем как о принципиально новом типе лингвистического корпуса, является его «смешанный» характер, отражающий социокультурную специфику аутентичного языкового материала, на котором был построен этот электронный языковой ресурс. Так, в корпусе Гродненщины нашли отражение факты русскоязычных вкраплений в текстах на белорусском языке, белорусскоязычных – в текстах на русском, а также, в меньшей степени, – польскоязычных и иных вкраплений. Отметим весьма незначительную долю англицизмов, как известно, весьма широко представленных на страницах российских газет. В силу преобладающего «русскоязычия» большинства населения, распространенной является практика давать пояснения на русском языке либо прямой перевод в белорусскоязычных текстах; в интернет-версиях газет Гродненщины (а именно на их основе строится корпус) встречаются факты, когда белорусскоязычные тексты имеют названия на русском языке. В корпусе Гродненщины вкрапления типа «белорусское в русском» количественно преобладают над вкраплениями типа «русское в белорусском». В подавляющем большинстве случаев использование таких вкраплений сознательно, то есть не является проявлением интерференции как результата неосознанного близкородственного психологического билингвизма, фактом «трясянки». Белорусскими русистами высказано предположение, что белорусскоязычные вкрапления в русскоязычных текстах – «это прямые апелляции к затекстовой информации» [Вольнец, Ратникова 1997: 222].

Осознанное переключение кодов, хотя и требует специальной дидактической интерпретации, все же не имеет в большинстве случаев негативных последствий при использовании смешанного корпуса в практике преподавания русского языка как иностранного. Иное дело, когда в русскоязычных текстах встречаются факты «белорусского адаптированного» (данный термин принадлежит А.Ю. Станкевич и впервые использован в нашей совместной статье «Многоцелевой лингвистический корпус региональных СМИ», находящейся в печати). По мнению У. Вайнрайха [Weinreich 1953], получившему многочисленные подтверждения фактами из различных языков, в результате языковых контактов слова могут быть (а) заимствованы; (б) семантически изменены; (в) переведены; (г) гибридизированы. «Белорусское адаптированное» не

подпадает ни под один из названных случаев, поскольку представляет собой адаптированный к нормам письменной русской речи вариант лексемы, в строгом смысле слова не принадлежащей русскому языку, не отвечающий нормам белорусской орфографии. Рассмотрим несколько примеров:

1. ...на выставках-продажах в «Кулинарии», «**Родном куте**»... (имя собственное, практическая транскрипция с соблюдением грамматических норм русского языка, несет разноплановую затекстовую информацию);
2. **Кирмаи** без коней – не **кирмаи** (практическая транскрипция, несет затекстовую информацию);
3. ...рассказать о поистине народном событии – **Анненском кирмае** (практическая транскрипция с соблюдением грамматических норм русского языка, прецедентное название, несет затекстовую информацию);
4. ...музей начал выпускать книги под серией «**Наши славутия земляки**» (частичная практическая транскрипция, не несет затекстовой информации, может рассматриваться как факт «трасянки»);
5. ...в первый день «**Дожинок**» (практическая транскрипция с соблюдением грамматических норм русского языка, прецедентное название, несет затекстовую информацию);
6. ...ремесленничеством занимались христиане, которые были объединены в цеха, наделенные королевскими **привилеями** (практическая транскрипция с соблюдением грамматических норм русского языка и адаптацией к его орфографическим нормам, несет затекстовую информацию);
7. ...здесь же поселились ажурные «**вытинанки**» (практическая транскрипция, неосвоенность русским языком подчеркивается кавычками, несет затекстовую информацию).

Независимо от степени адаптированности все представленные выше примеры демонстрируют лингвокультураны, свойственные именно национальной / региональной разновидностям русского языка в Беларуси. Особый пласт примеров подобного рода связан с адаптацией известных белорусских паремий (не только собственно белорусского происхождения) и иного рода культурно специфичных интертекстов к русскоязычному тексту. Такой языковой материал требует специальной предтекстовой работы с преподавателем и может способствовать,

помимо прочего, освоению орфографических и грамматических норм русского языка. Таким образом, пример корпуса Гродненщины позволяет утверждать, что, отражая актуальные культурные реалии, с которыми иностранцы сталкиваются в повседневной жизни в новом для них социокультурном окружении, лингвистические корпуса региональных средств массовой информации создают реальные возможности для изучения социально-коммуникативных особенностей русского языка.

Литература

- ВЕРБИЦКАЯ, Л.А.: *Проблемы современной культуры и образования // Русский язык в центре Европы*. № 9. Братислава, 2006. С. 6 – 13.
- ВОЛЫНЕЦ, Т.; РАТНИКОВА, И.: *Социокультурные процессы в Беларуси и двуязычие // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Доклады Международной конференции*. Пловдив, 1997. С. 219 – 223.
- КАРАУЛОВ, Ю.Н.: *О состоянии русского языка современности*. Москва, 1991.
- КУДРЯВЦЕВА, Е.Л.: *К вопросу о значении медиа-компетенции в современном обществе и процессе ее формирования у носителей русского языка как родного и студентов-иностранцев // Сборник материалов научной программы российской экспозиции Международной выставки «Эксполингва-2007»*. М., 2008. С. 208–214.
- КУСТОВА, Г.И.; САВЧУК, С.О.: *Изучение лексико-семантической и социокультурной специфики русской речи на территории Республики Беларусь (на материале текстов СМИ) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2013»*. СПб., 2013. С. 344 – 352.
- МУСТАЙОКИ, А.: *Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания*. № 5. Москва, 2013. С. 3 – 27.
- Пытанні...: *Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў*, рэд. Бірыла М.В., Супрун А.Я. Мінск, 1982.
- Русский...: *Русский язык в Белоруссии*, ред. Михневич А.Е., Минск, 1985.

Людмила Васильевна Рычкова:

Изучение социально-коммуникативных особенностей русского языка на основе использования лингвистических корпусов региональных средств массовой информации (на примере корпуса гродненщины)

РЫЧКОВА, Л.В.: *Корпусные технологии как основа инноваций в преподавании иностранных языков // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы Международной научно-практической конференции.* Минск, 2012. С. 205 – 208.

РЫЧКОВА, Л.В.: *Функционирование русского языка в условиях естественного полилингвизма белорусского общества // Проблемы статуса и преподавания русского языка в свете взаимодействия языков и культур государств-участников СНГ и стран Балтии в XXI веке. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, отв. ред. Аннушкин. В.И. Москва., 2006. С. 55 – 58.*

РЫЧКОВА, Л.В.; КНЬШ, Е.Р.: *Национальные мегакорпусы в изучении лингвокультурем // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы IV Международной научной конференции (Минск, 3 – 5 декабря 2009г.). В 2 ч. Ч.1. Минск, 2009. С. 23 – 25.*

Типология...: *Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси*, ред. Булыко А.Н., Крысин Л.П. Минск, 1999.

Corpus...: *Corpus Studies in Language Education.* Bangkok, 2002.

GABRIELATOS, C.: *Corpora and Language Teaching: Just a fling or wedding bells? // Teaching English as a Second or Foreign Language.* V.8. № 4. Electronic Journal, 2005. A-1.

MEYER, C.F.: *English Corpus Linguistics. An Introduction.* Cambridge, 2004.

NESSELHAUF, N.: *Collocations in a Learner Corpus.* Amsterdam., 2005.

WEINREICH, U.: *Languages in Contact: Findings and Problems.* The Hague, 1953.

Подготовлено в рамках проекта, реализуемого при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-050 от 16.04.2013 г.).